

Conception : BANQUE IENA

Brest Business School - École de Management de Normandie – École de Management Strasbourg –
E.S.C. Clermont - E.S.C. Dijon Bourgogne – E.S.C. La Rochelle – Montpellier Business School – E.S.C. Pau –
E.S.C. Troyes – INSEEC Business School – ISC Paris Business School – ISG – Télécom École de Management

OPTIONS : SCIENTIFIQUE, ÉCONOMIQUE, TECHNOLOGIQUE et LITTÉRAIRE

PREMIÈRE LANGUE

Lundi 9 mai 2016, de 8 h. à 12 h.

ALLEMAND – ANGLAIS – ARABE – ESPAGNOL – ITALIEN – PORTUGAIS - RUSSE

Durée : 4 heures

(La note sur 80 sera divisée par 4 pour obtenir la note sur 20, qui sera arrondie au dixième supérieur).

N.B. :

Les candidats ne sont pas autorisés à modifier le choix, effectué lors de l'inscription, de la première langue dans laquelle ils doivent composer.

Les candidats ne doivent faire usage d'aucun document, dictionnaire ou lexique ; l'utilisation de toute calculatrice ou de tout matériel électronique est interdite.

Si au cours de l'épreuve, un candidat repère ce qui lui semble être une erreur d'énoncé, il la signalera sur sa copie et poursuivra en expliquant les raisons des initiatives qu'il sera amené à prendre.

Алексей Юрчак о том, как устроена ностальгия по советскому

Антрополог Алексей Юрчак ответил на наши вопросы о том, какую роль память о социализме играет в сегодняшнем российском обществе.

Кажется, память о СССР — одна из основ идентификации и для людей разных взглядов, и для государственной идеологии.

5 Тут интересно вот что: в советское время "авторитетный дискурс", ритуалы системы давали возможность людям генерировать смыслы жизни, которые шли дальше конкретного государства. Все они были привязаны к одной важной характеристике — сознанию того, что есть какая-то глобальная модель человеческого существования. Люди могли относиться к официальной идеологии социализма скептически, но они всё равно брали у неё какие-то этические моменты: презрение к деньгам, например, и так далее. У них было ощущение: мы строим будущее. И это будущее очень важно для всего мира, нас знают, потому что мы представляем альтернативу общества, построенного на деньгах. И вот, вместе с СССР, исчезло ощущение такой альтернативы, а не просто исчез авторитетный дискурс какой-то партии.

Выходит, что эта апелляция к советскому — это прежде всего ностальгия по глобальности, по тому, что мы занимаем особое место в мире?

15 Да, конечно. Это то, что сегодня говорят, например, в Министерстве культуры: Россия — особая цивилизация. Или то, что говорят про Евразию. Про возвращение к традиционным ценностям. Это всё ностальгия не столько по советскому образу жизни, сколько по ощущению, что у нас есть общечеловеческий проект. Такая ностальгия есть даже у людей, которые не имеют никакого отношения к официальным идеологам, более того, их не любят. Людям не хватает пространства какого-то глобального смысла жизни.

Но тот глобальный проект, который конструируется сегодня, ведь он совсем не такой, как он был в СССР?

25 Советский проект был завязан на будущее. Сегодняшний идеологический дискурс завязан скорее на прошлое. На какие-то биологические вещи, на природу человека. У мужчины и женщины должны быть дети. Или у русского народа особая природа, свой путь. Так что если и есть возврат к советским формам, то они наполнены новым смыслом: мы особая цивилизация, у нас есть ценности, национальная идеология. Советский проект реинтерпретируется как националистический. Ну вот Крым, например. О нём годами никто не думал. Но тут он возник как узнаваемая советская форма, наполняемая новыми смыслами.

Но ведь некоторые вещи возвращаются не только на государственном уровне?

30 Да, конечно. Вот интересный пример. В последнее десятилетие в Петербурге (я думаю, то же самое есть в Москве и в других больших городах) возникли пространства, которые мне напоминают по своему смыслу советские. Например: появилось огромное количество разных детских театров. Этого нет на Западе — даже в странах социально-организованных вроде Финляндии, не говоря об Америке. Там, конечно, есть какие-то вещи для детей, но их очень мало по сравнению с тем, что делается здесь. Вернулись дворцы творчества молодёжи (бывшие дворцы пионеров). Это всё не очень вписывается в рыночную модель, но уходит корнями в советское представление о детском образовании. Эти детские инициативы, они не спущены сверху государством — они частные. Рынок, конечно, что-то поменял, но вот эти инициативы нельзя описать либеральным рыночным дискурсом — и при этом нельзя свести и к чистой ностальгии. Это новая модель, она генерирует новые социальные ценности.

Если советский авторитетный дискурс был направлен на будущее, то современный идеологический дискурс отсылает к прошлому. Допускает ли он какую-то возможность для появления новой структуры отношений между властью и обществом?

45 Трудно проводить прямые параллели между этими двумя периодами, потому что сейчас мы имеем скорее не авторитарный, тотальный, как в советские времена, а некий доминантный государственный дискурс. Он, безусловно, диктует интерпретацию событий, которая потом звучит по Первому каналу телевидения, но он не тотальный. А поскольку он не тотальный, то не так важно, что он связан с прошлым, а не с будущим,. Потому что он даёт возможность генерироваться смыслам, которые связаны с будущим: как только нынешний авторитетный дискурс кончится, мы опять начнём строить новое, у нас будет как везде — цивилизованное государство, у нас будет демократия. Есть огромное количество ситуаций, как сейчас в нашем разговоре, когда можно этот доминантный дискурс анализировать. Довольно открыто, громко и не опасаясь. Я не говорю о прессе или массмедиа, я имею в

- 55 виду просто разговоры. И в этом есть некая доля оптимизма, потому что такие разговоры могут вдруг сформировать гражданское общество. Но это, конечно, в том случае, если возникнет авторитетный дискурс, который будет к нему апеллировать. Дискурс, единственная цель которого — проанализировать, что происходит, а не убедить нас в чём-то.

Игорь Гулин, *Коммерсант*, 07.11.2014

I. VERSION (sur 20 points)

Traduire depuis: «Но ведь некоторые вещи ... » jusqu'à « ... новые социальные ценности.»

(de la ligne 30 à la ligne 40)

II. QUESTIONS (sur 40 points)

1. Question de compréhension du texte

Что общего и в чём различие между советским и постсоветским обществом в России по мнению Алексея Юрчака?

(100 mots + ou – 10% ; sur 10 points)*

2. Question de compréhension du texte

Почему есть основания для оптимизма по поводу будущего России ?

(100 mots + ou – 10% ; sur 10 points)*

3. Question d'expression personnelle

Достаточно ли знать и понимать историю, чтобы не повторять ошибки прошлого?

(300 mots + ou – 10% ; sur 20 points)*

** Le non-respect de ces normes sera sanctionné.*

(Indiquer le nombre de mots sur la copie après chaque question).

III. THEME (sur 20 points)

« On était gais, on croyait que demain serait mieux qu'aujourd'hui ». A chaque page du livre de Svetlana Alexievitch, dans les conversations entendues sur la place Rouge qu'elle rapporte ou les témoignages recueillis en tête à tête, on entend un leitmotiv : à quoi bon tous ces sacrifices, tous ces morts, toutes ces guerres, s'il n'y a plus ni foi dans l'avenir ni grandeur?

« L'homme rouge meurt dans la souffrance, dit-elle. La révolution a été faite par Gorbatchev et une poignée d'intellectuels. J'en étais. Mais 80 % des gens se sont réveillés dans un autre pays, sans savoir comment vivre. » Comme ses parents, qui habitaient une petite ville en Biélorussie. Son père, mort il y a trois ans, est resté communiste jusqu'à la fin.

Mais elle, partage-t-elle cette nostalgie pour le monde communiste ? Certainement pas. « Mais je me sens plus proche de ceux qui ont connu l'Union soviétique que de ceux d'aujourd'hui qui sont beaucoup plus matérialistes ».

D'après Julie Clarini, *Le Monde*, 08.10.2015